

Если столкнулся с делом, нельзя просто пройти мимо, но у их группы сейчас поездка в Цзяннань тоже сжата по времени. С одной стороны, тайно расследуя этого Цзэн Жуньяна, с другой — отправляя донесения в столицу. Как бы там ни было, нужно сначала разобраться в ситуации, прежде чем действовать.

Топографическая карта Юйчэна всё ещё при нём. Если её обнаружат, боюсь, что заяц, только высунувший голову, ещё не будет как следует разгляден, как снова спрячется в норе.

Тогда уж точно останешься и без жены, и без коня.

Жуань Дао, взяв ароматический мешочек с тела Лу Це, побежал караулить почтовых голубей с противоядием. Задача вернуть вещи снова легла на Лу Це и Фу Чэнцы.

Воспользовавшись ночью, двое легко и привычно добрались до управы — с скрипом открылась запечатанная дверь.

Лу Це первым вошёл внутрь. Убедившись, что никого не потревожили, Фу Чэнцы, повернувшись спиной, последовал за ним, тихо прикрыв дверь.

Кладовая была большой, заваленной множеством вещей. На некоторых сундуках даже лежал толстый слой пыли.

Искать так было слишком утомительно. Лу Це хотел зажечь огниво, только потянулся к груди, как его резко схватили, пригнув голову. Фу Чэнцы низким голосом, плотно прижавшись губами к его уху, прошептал:

— Снаружи патруль.

Едва прозвучали эти слова, как из темноты приблизился ряд огней. Оба присели за стеллажом, наблюдая, как проходит отряд стражников.

Их тела тесно соприкасались. Внезапно поднявшись, они встретились взглядами. Фу Чэнцы инстинктивно отвел лицо в сторону.

Взгляд Лу Це перескочил через него и упал на висевшую на стене книгу учёта, где были отмечены места хранения некоторых вещей.

Вернув вещи на место, они поспешили обратно в постоялый двор.

В зале на первом этаже ночной дежурный, подперев голову рукой, дремал. Фу Чэнцы повёл человека в тёмный переулок, где кривое дерево с протянутой веткой как раз вело к одной из комнат на втором этаже.

Вывихнутая лодыжка Лу Це в этот момент проявила свой недостаток. Когда он залезал в комнату, край одежды зацепился за торчащую ветку и порвался.

Инерция приземления заставила и без того травмированную лодыжку мгновенно взмыть от боли до небес. У него и так тела было негусто, лопатка ударилась о спину Фу Чэнцы, и больно стало именно ему. Тот же, с улыбкой в глазах, обернулся, словно не замечая его нынешнего затруднительного положения.

Полунастойчиво обняв человека, он игриво спросил:

— Сама бросилась в объятия?

Лу Це кое-как устоял на ногах и с улыбкой ответил:

— Ноги не слушаются, потрудитесь, Ваше Высочество, проводить меня в комнату.

Фу Чэнцы хитро приподнял длинные узкие глаза и в самом деле повёл человека к комнате, но не к той, о которой говорил Лу Це.

Полуоблокотившись на стол, Лу Це смотрел на Фу Чэнцы и ледяным тоном спросил:

— Что это значит, Ваше Высочество?

— Иди сюда, — Фу Чэнцы похлопал по свободному месту на краю кровати, достаточно для одного человека, и сказал:

— Если не намазать ту лодыжку лекарством, завтра утром, боюсь, и на землю ступить будет трудно.

Лу Це с жалостливым видом подошёл.

После нанесения лекарства Фу Чэнцы не отпустил человека. Он сразу задул свет, протянул руку, похлопал того по плечу, приняв позу для объятий, и глухим, неопишимо магнетичным голосом сказал:

— Спи здесь. Если сейчас возвращаться в свою комнату, невольно потревожишь других.

Лу Це слегка замешкался, заглянув в глубину его откровенных, чистых глаз. Слова отказа были проглочены обратно. Раз уж делали и более близкие вещи, теперь ёрзать и стесняться — значит проявлять мелкую душонку.

Укрывшись одеялом, он лёг у стены. В момент, когда повернулся спиной, не заметил промелькнувшей в глазах Фу Чэнцы злобной вспышки, острой и безжалостной.

Укрывшись одним одеялом, в тишине можно было слышать ровное дыхание друг друга. В полудрёме он почувствовал, как погрузился в тёплые объятия. Одна рука перекинулась через его талию, обняв его. Вскоре Лу Це уснул.

На следующее утро, когда он проснулся, место на кровати снаружи уже было пустым.

На лодыжку нельзя было сильно опираться, но ходить было можно. Когда Лу Це вышел, Фу Чэнцы и Лу Юй внизу уже завтракали, оживлённо беседуя и смеясь.

Рука, свисавшая вдоль тела, бессознательно сжалась. В глубине души укоренилась и проросла нежелающая смириться привязанность.

Затем он тихо вздохнул. Когда снова взглянул вниз, серая мгла в зрачках рассеялась без следа, став неподвижной, как вода в древнем колодце, подобно мёртвой воде.

Попросив принести еду, Лу Це больше не выходил за дверь. Даже когда Лу Юй и Фу Чэнцы отправились в народ, он не издал ни звука.

На кровати Лу Це, зажав верёвку зубами, связал себе руки, заткнув рот тряпкой, чтобы не сломать зубы или не перекусить язык. Глаза были искажены ужасом, в горле стояла кровь. Бучунь наступал яростно, а Жуань Дао всё не возвращался.

Тот, кто не выдержит Бучунь, умрёт от своей же руки — или от меча, или от того, что истечёт кровью, мучительно страдая.

А он ещё не хотел умирать...

Через время, необходимое, чтобы сгорела одна палочка благовоний, боль, словно от мириад червей, точивших кости, наконец ослабла. Простыня, промокшая от пота, могла бы источать воду. Растрёпанные волосы прилипли к щекам, а на висках градом катился холодный пот.

Когда Жуань Дао вошёл в комнату, он увидел именно эту картину. Человек на кровати сжался в комок, пустой взгляд напоминал лишённую души оболочку, готовую увянуть и пасть.

Жуань Дао поспешил освободить его запястья, затем вынул тряпку изо рта. Движения были невероятно нежными, словно боялся поранить того, кто лежал на кровати.

На белоснежных запястьях остались два сине-багровых следа от верёвки. Даже в уголках рта проступала кровь. Куда ни глянь — везде следы беспомощности.

Встретившись взглядом с Лу Це, у всегда холодного и черствого Жуань Дао в глазах читалось облегчение после пережитой катастрофы.

Яд Бучуня был силён, он не отступит просто так. Пережив этот раз, в следующий приступ может быть ещё сильнее, если не принять противоядие.

Погрузив всё тело в лечебную ванну с травами — за время пути это уже вторая такая ванна — Лу Це облокотился на край ванны, и струйка кровавой воды медленно потекла из уголка рта. Лу Це одеревеневшей рукой резко смахнул её.

Лекарственная ванна проникала сквозь кожу, парализуя конечности. Лу Це с трудом выполнил это движение, даже кости протестовали и кричали от боли.

Когда этот приступ прошёл, Лу Це услышал шум снизу и как раз столкнулся с Фу Чэнцы и Лу Юй, входящими плечом к плечу. Казалось, их отношения стали ближе, чем когда они только прибыли в Цзяннань.

Вернувшись в комнату, Лу Це направился в покои Фу Чэнцы. Он слегка спустил рукав, как раз прикрыв кисть руки.

Он всего лишь хотел спросить, не произошло ли чего в городе сегодня, заодно поговорить с этим человеком.

Тёмно-красные зрачки разглядеть было непросто, но голос звучал знакомо:

— Когда ты выходил с наследным принцем, не было ли...

Фу Чэнцы холодно перебил его:

— У меня с наследным принцем с детства глубокая связь, не думай лишнего.

Горькая улыбка тронула губы Лу Це, но он всё же хотел поспорить:

— Откуда ты знаешь, о чём я хотел спросить?

Фу Чэнцы скользнул на него беглым взглядом, затем отвел глаза, поправляя потайной наруч на

запястье:

— Не иначе как о том, что произошло сегодня с наследным принцем в городе.

— Ваше Высочество и вправду, — Лу Це сделал паузу. Слова, готовые вырваться в спор, на губах изменили значение, — и вправду... пронизателен до мозга костей.

Фу Чэнцы странно посмотрел на него. Ситуация в Юйчэне оказалась хуже, чем они предполагали. Лу Юй был погружён в тяжёлые думы. Он же, беспокоясь о Лу Юй, естественно, тоже не мог радоваться, даже играть в утешительные роли не хотелось.

Сначала он думал, Лу Це будет цепляться за это, но не ожидал, что тот так легко отступит.

Глядя на удаляющуюся спину Лу Це, в сердце закралось странное чувство. Поступки, вызванные этой странностью, вызвали в нём смутную тревогу.

Отправив донесение в столицу и получив ответ, что двор в своё время пришлёт людей, они задержались здесь без дела, что могло вызвать подозрения. После того как дело было решено, уже не им было им управлять.

Оставив одного человека в Юйчэне, остальные в тот же день продолжили путь, направляясь на юг.

Проехав всю ночь, они достигли настоящего центра Цзяннань — Ванду. Поскольку чиновников Цзяннань предупредили заранее, наследный принц путешествовал инкогнито.

По прибытии на место всех разместили на почтовой станции.

В отличие от тягот пути, ночёвок под открытым небом или придорожных постоянных дворов, почтовая станция была построена императорской семьёй. Условия, естественно, были гораздо лучше.

За весь путь лишь Ванду оказался самым богатым и процветающим. Поскольку он ближе к столице, температура умеренная, однако в землях Цзяннань климат более влажный.

В отличие от усталого вида Юйчэна, на улицах Ванду было лишь несколько беженцев, и те были надлежащим образом устроены. В переулках ещё висели не снятые на ночь фонари. Толпы народа суетились. Если днём было так, то ночью и представить страшно, что тут творится.

Местный начальник округа по фамилии Чжан был полным и дородным. Перед будущим наследником престола отвечал свободно, толково излагал дела, ум гибок, язык остёр. Когда смеялся, глаза превращались в щёлочки, щёки полнились жирком, выглядел простодушно и мило. Кроме внешности, действительно нельзя было найти ни единого изъяна.

<http://bllate.org/book/15603/1392976>